

**«СЛЕЗИНКА РЕБЁНКА» И ГАРМОНИЯ «ВЕЛИКОГО КРИСТАЛЛА»
(Ф.М. ДОСТОЕВСКИЙ И В.П. КРАПИВИН)**

Сухих Ольга Станиславовна

*Доктор филологических наук, доцент кафедры русской литературы
Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского*

"A CHILD'S TEAR" AND THE HARMONY OF "THE GREAT CRYSTAL" (F.M. DOSTOEVSKY AND V.P. KRAPIVIN)

Sukhikh Olga Stanislavovna

Doctor of sciences, Associate professor Department of Russian literature N.I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

АННОТАЦИЯ

Рассматриваются параллели в философско-этической проблематике фантастических произведений В.П. Крапивина и романов Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» и «Братья Карамазовы». Анализируется философский аспект темы «слезинки ребёнка» в осмыслении обоих писателей.

ABSTRACT

The author analyses the parallels in the philosophical and ethical themes of V.P. Kravivin's fictitious works and F.M. Dostoevsky's "Crime and punishment" and "Karamazov Brothers". The author explores the philosophical aspects of the "child's tear" as interpreted by each of the writers.

Ключевые слова: философская проблематика; социальная проблематика; образ ребёнка; утилитарная этика; фантастика.

Keywords: philosophical issues, social issues, a child's image, utilitarian ethics, fiction.

Выражение «слезинка ребенка» в читательском восприятии уже давно и прочно связано с творчеством Ф.М. Достоевского. В его произведениях частота этого мотива очень велика. Писатель раскрывает его в различных аспектах. Чаще всего изображаются страдания детей, обусловленные антигуманным социальным устройством, жестокостью взрослых («Неточка Незванова», «Униженные и оскорбленные», «Мальчик у Христа на ёлке» и др.). Однако в данной статье мы обратимся к тем романам, в которых тема ребенка взаимосвязана с философией этического утилитаризма, согласно которой цель оправдывает средства, – это «Преступление и наказание» и «Братья Карамазовы».

В романе «Братья Карамазовы» тема детских страданий приобрела не только социальную и психологическую, но и философскую глубину. Здесь не просто выражается сострадание к ребенку (как, например, при изображении Илюшечки Снегирёва), здесь вопрос переводится в принципиальную, философскую плоскость: **можно ли допустить страдания безвинных ради высокой цели?** В главе «Бунт» тема «слезинки ребенка» взаимосвязана с пониманием мировой истории и способов достижения мировой гармонии, не случайно за рассуждениями Ивана Карамазова следует «Легенда о великом инквизиторе». В литературном процессе последующей эпохи эта проблематика была художественно переосмыслена и раскрыта на новом материале.

В.П. Крапивин – один из тех писателей XX века, в творчестве которых наиболее масштабно развернута тема детской душевной драмы, острых, даже трагических переживаний, той же «слезинки ребенка». Это выражение Достоевского закономерно ассоциируется с произведениями Крапивина, который практически никогда не изображает абсолютно счастливых детей, писателя привлекает анализ ситуаций, в которых становление и проявление характера ребенка сопровождается конфликтными ситуациями, выбором, ответственностью и страданиями.

Исследователями отмечается [4] в творчестве Крапивина позднего периода тенденция к переходу от «тимуровской» проблематики к изображению драмы ребенка. Проблеме непонимания между детьми и взрослыми, которые не видят в ребенке личности, посвящены многие его социально-психологические романы, повести, рассказы: «Журавлёнок и молнии», «Валькины друзья и паруса», «Кольбельная для брата», «Сказки Севки Глушенко», «Дагги-Тип», «Трое с площади Карронад», цикл «Паруса Эспадь», цикл «Победители» и др. Однако не менее остро ставится вопрос о страданиях ребенка в фантастике В.П. Крапивина, и здесь эта проблема, как и в «Братьях Карамазовых», осмысливается уже в философско-этическом плане: раскрываются ситуации, когда интересы ребенка не просто игнорируются по недомыслию или жестокости, а приносятся в жертву неким *высоким целям*. Создается глубокая и трагическая коллизия, связанная не только с нравственной или социальной стороной отношений ребенка и взрослого, но и с философской концепцией, которая лежит в основе жизни «взрослого» мира. И суть этой концепции была наиболее ёмко и художественно убедительно воплощена в романах Ф.М. Достоевского – это идея Раскольникова, а затем великого инквизитора: **можно пожертвовать христианскими ценностями ради благополучия общества, цель оправдывает средства.** «Нравственно всё, что служит наибольшему счастью наибольшего числа людей» [2] – так писал И. Бентам, основоположник идеи этического утилитаризма, раскрытой в глубочайших, трагедийных образах Ф.М. Достоевским.

[16; 17]. И если исследователи отмечают в фантастическом творчестве В. Крапивина традиции А. Гайдара, А. Грина, А. и Б. Стругацких [4], то на наш взгляд, не менее значимы и традиции Ф.М. Достоевского.

В романе «Преступление и наказание» мысль Раскольникова о «власти над всей дрожащей тварью и над всем муравейником» [8, с. 253] выражена в диалоге с Сонечкой, а начинается всё с рассуждения о будущем детей Катерины Ивановны Мармеладовой. Раскольников предполагает, что Полечку ждёт та же судьба, что и Соня. По его мнению, избежать страданий «маленьких людей» (и детей прежде всего) можно только одним путём: человек наполеоновского типа должен взять власть над обществом и привести его к социальной справедливости, причём на этом пути возможно и морально оправданно преступление, «кровь по совести». Раскольников начинает с осуждения общества, в котором страдают мармеладовы, а самое страшное – дети. Заканчивает же он оправданием преступления и убийством не только процентщицы, но и Лизаветы, а по слухам – и её нерождённого ребёнка.

В романе «Братья Карамазовы», в главе «Бунт», Иван Карамазов начинает обоснование своей мировоззренческой позиции с того, что отрицает возможность построения мировой гармонии за счёт страданий безвинных, «слезинки ребенка». Разворачивая перед Алёшей жуткую картину жестокости взрослых по отношению к детям, он идёт к неприятию «мира божьего», поскольку в нём совершается такая ужасная несправедливость. Альтернативу Иван видит в системе жёсткой власти над человечеством, которая не позволит людям губить друг друга и использовать свободу воли во зло. Именно в этом суть идеи героя поэмы Ивана – великого инквизитора, который с помощью лжи и насилия держит общество в руках и полагает, что тем самым обеспечивает всеобщее счастье и благоденствие – таков этический утилитаризм в действии. Как писал С.Л. Франк, сторонник утилитарной морали не скажет вместе с Достоевским, что мировая гармония не стоит слезинки ребенка, а, наоборот, оправдывает многие слёзы и страдания ради счастья общества, лишь бы моральный раскол не превысил дохода [19]. Итак, Иван Карамазов, как ранее Раскольников, оказывается создателем заколдованного круга: осудив «мир божий» за то, что в нём страдают безвинные, он устами великого инквизитора обосновывает альтернативную систему, в которой царит обман и насилие над такими же невинными, и не принципиально, взрослые это или дети. И, в отличие от рассуждений Ивана о детских страданиях, монолог великого инквизитора посвящен не конкретным случаям, а обобщениям, закономерностям мировой истории.

Отметим, что и фантастика В.П. Крапивина практически всегда связана с *вопросами мироустройства*. Автор рассматривает роль и место ребенка в системе хронотопов, которые писатель и его герои называют гранями Великого Кристалла (Вселенная представлена здесь как кристалл с бесчисленным множеством граней, каждая из которых – это определённый вариант мира и социума). Произведения В.П. Крапивина объединены определёнными образами и мотивами, не случайно критика говорит о «системе его философско-аллегорических произведений» [5]. Один из таких объединяющих мотивов и связан с утилитарной этической доктриной. Для фантастических произведений В.П. Крапивина характерны ситуации, в которых ребенок оказывается жертвой неких социальных закономерностей и действий взрослых, *направленных на достижение определённой научной или общественной цели, причём цели благой для человечества*. Таким образом, здесь находит отражение именно тот аспект темы

страданий ребёнка (или же вообще безвинного человека), который с такой глубиной и эмоциональной силой раскрыт в главе «Бунт» романа «Братья Карамазовы» и в её центральной части – «Легенде о великом инквизиторе». В цикле В.П. Крапивина «В глубине Великого Кристалла», а также в некоторых других его произведениях можно отметить *несколько вариантов мотивировки утилитарной этики в отношении ребёнка.*

Один из вариантов воплощения указанной темы заключается в том, что маленький герой становится жертвой некой закономерности, существующей во взрослом мире и считающейся непреложной. Взрослые не представляют жизни без этого установившегося закона и не готовы от него отказаться: это разрушит сложившийся, привычный мир, и для них предпочтительнее оказывается по жертвовать интересами, а иногда и жизнью ребёнка. В повести «Оранжевый портрет с крапинками» такова судьба мальчика-разведчика, который попадает в плен. Расправа с пленным – закон войны, это воспринимается как необходимость ради защиты своего народа от врага, хотя субъективно взрослый может и жалеть ребёнка. В повести «Крик петуха» защитники государства стремятся уничтожить учёного, совершившего открытие, способное изменить жизнь и разрушить идеологическую систему, а вместе с ним готовы обречь на гибель и двух детей, пытающихся его спасти. В повести «Дети синего фламинго» ребёнка специально ставят в такие условия, чтобы он сыграл на руку правительству острова-государства Двид: судьба главного героя – Жени Ушакова (а ранее – его предшественника Юльки Гаранина) – должна доказать остальным, что бесполезно бороться против сложившегося порядка вещей, а затем его собираются публично казнить, чтобы и это послужило укреплению государства. Точно так же у Достоевского великий инквизитор сжигает на кострах «еретиков», чтобы они не подрывали основы сложившегося благополучного общества. Даже сама сцена расправы в «Детях синего фламинго» выдержана в духе повествования о судах «святой» инквизиции.

В этом произведении просматриваются явные признаки антиутопии – жанра, черты которого есть и в «Легенде о великом инквизиторе». Перед нами локальный топос, отделённый от внешнего мира. Здесь сложилось социальное устройство, в котором на первом месте стоит порядок, жизнь человека расплывлена до мелочей, личность полностью нивелирована. Человек лишён индивидуальности и свободы воли, зато ему гарантировано обеспеченное и безопасное существование: «А вообще-то народ живет разумно. Тихо, но зато счастливо. Нет у нас ни бедности, ни голода, ни болезней. У нас все довольны жизнью, да! У нас р а в н о в е с и е п о р я д к а...» [11] – говорит главному герою правитель острова Двид Тахомир Тихо (отметим, что написано это было ещё до того, как в нашей стране опубликовали произведения Е. Замятина, Дж. Оруэлла, О. Хаксли). Закономерна в этом смысле «антитоталитарная тема ... во "взрослом" содержании» [4] произведения: изображается тоталитарное государство, жертвой которого оказывается личность, человек превращается в раба, хотя может не осознавать этого и считать себя вполне счастливым, как люди в государстве великого инквизитора. Правда, существуют «еретики», но они обречены на костёр. В произведении В.П. Крапивина репрессивная система государства направлена на борьбу в первую очередь с определённой категорией «еретиков» – с детьми, поскольку именно их внутренняя свобода воспринимается властями как основная опасность: «Сначала они "играют", потом им хочется удрать из дома. Потом еще чего-нибудь захочется...». Поэтому здесь «так воспитывают детей, что

они сразу становятся взрослыми ... А с молодежью сколько было бы возни! Это очень опасный народ. Им все время лезут в голову нелепые мысли: хочется чего-то изменить, куда-то лететь, строить что-то непохожее на старое... Слава богу, мы от этого избавились...» [11].

В повести «Сказки о рыбаках и рыбках» целую группу детей обрекают на гибель, поскольку они оказались связаны с необъяснимыми фактами, с природной аномалией, которая может дестабилизировать ситуацию в обществе. В трилогии «Голубятня на жёлтой поляне» дети стремятся погубить, т.к. они могут помешать планам по созданию новой искусственной вселенной. В романе «Кораблики», в повести «Рассекающий пенные гребни» дети тоже оказываются помехой на пути к осуществлению государственной политики, и представители власти готовы обречь их на гибель. В романе «Амрла Грина» представители государственных органов ставят под угрозу жизнь ребёнка, чтобы узнать тайну его отца, опасную, по мнению властей, для общества. Кроме того, в этом произведении вообще развивается тема социального «геноцида»: некая организация, связанная с высшей государственной властью, пытается реализовать свою теорию спасения общества. Состоит она в том, что нужно избавиться от самых слабых: бездомных, инвалидов, сирот и беспризорников – «тварей дрожащих» по терминологии Раскольникова. Только если Раскольников жалел их, то «социальные теоретики» в романе В.П. Крапивина намерены их уничтожить, чтобы остальная часть общества могла развиваться эффективнее и быстрее.

В повести «Лето кончится не скоро» к рассматриваемой нами теме добавляется ещё один аспект. В ней есть вставная новелла – сказка, сочинённая мальчиком Кустиком, о планете, которая сформировалась внутри круглой бутылки. И когда двое ребят в поисках клада докопались до дна бутылки и увидели, что их мир не единственный, взрослые восприняли это как угрозу спокойствию своей планеты. Правители «бутылочной» планеты попытались заставить детей солгать, что на самом деле за пределами их мира ничего нет, а когда те вспомнили правило «звать нехорошо», им объяснили, что «это не враньё, а высшая государственная политика» [13]. Перед нами – в самой простой форме – манипулятивное сознание, которая является неотъемлемым элементом философии великого инквизитора у Достоевского. Герой «Легенды о великом инквизиторе», полностью подчинив своей воле всё государство и подменив христианские принципы противоположными, предпочитает тем не менее, чтобы люди субъективно были убеждены в том, что они совершенно свободны и живут в христианском государстве. В данном случае тоже имеет место не просто обман, а государственная политика. В «Братьях Карамазовых» эта концепция подробно обоснована и изложена в форме сложных и диалектически противоречивых философских построений, а в сказке, сочинённой героем В.П. Крапивина, концепция, в принципе, та же, но воплощена в сюжете более простом и адаптированном к детской психологии, хотя сама по себе мысль вполне «взрослая».

В той же повести тема цели, оправдывающей средства, развивается и в другом направлении. Здесь героем по фамилии Гурский выражена мысль о том, что наш мир докатился до катастрофы: «В своём развитии шарик ваш покотился не по той орбите. И докатился... Возьмите вашу историю. От пещерного века до нынешних дней она вся состоит из крови и войн» [13]. По его логике исправить положение может лишь Общий Космический Разум, если ради жизни всей Вселенной уничтожит земную цивилиза-

цию (нашу «грань Великого Кристалла»). В «Легенде о великом инквизиторе» (как и в большинстве последующих антиутопий) главный персонаж тоже говорил о том, что человечество в своём свободном развитии приходит к войнам и самоуничтожению и помочь может только жёсткая власть над человеческим («муравейником»), основанная на «умных» принципах, на разуме.

Крапивинский герой Гурский считает, что нужно увести Землю по вектору времени в эпоху динозавров, чтобы у неё была другая история, без зла и крови. Попытка изменить историю лежит также в основе концепции великого инквизитора. Вся поэма Ивана Карамазова – это своеобразный эксперимент над историей в художественной форме, показывающий, каким мог бы быть путь человечества, если бы Христос не отверг три искушения.

Гурский в повести В. Крапивина убедительно рассуждает о том, что с уничтожением земной «границы Великого Кристалла» исчезнет перевес злых сил. Но вместе с ним исчезнут и просто обычные люди, живущие на земле. Зато для всего Великого Кристалла (Вселенной) настанет гармония. Снова знакомая логика: ради счастья большинства пожертвовать меньшинством, как делает в своём государстве великий инквизитор, сжигая еретиков, чтобы они не помешали всеобщему благоденствию: он, практически как «Общий Космический Разум», берёт на себя ответственность решать судьбы человечества. В повести В. Крапивина это от имени Общего Космического разума делают «корректоры», функция которых – исправить ситуацию, в которой зло перевешивает добро. «Корректор» Гурский рассуждает с точки зрения рациональной: чтобы в мире перевесило добро, нужно пожертвовать земной цивилизацией: в этом случае, как писал основоположник утилитарной этики И. Бентам, моральный расход не превысит дохода. Точно так же мыслит и великий инквизитор, и Раскольников, который даже назвал такой тип логики «арифметикой» (а «подпольный человек» – математическим термином «логарифм»). В произведениях Достоевского рациональная логика сталкивается с человеческой природой и человека мучает это неразрешимое противоречие: Раскольников не может спокойно пережить убийство, великий инквизитор отпускает Пленника. Диалектика рационального и эмоционального, зла и добра воплощена в том и в другом случае в образе одного и того же человека. В повести В. Крапивина ситуация иная: если Гурский является выразителем логики «логарифмов», то эмоциональное начало воплощено в образе главного героя – Шурки Полушкина, который не может даже ради гармонии Великого Кристалла допустить, чтобы погибли люди, которые ему дороги.

Другой вариант развития темы – ситуация, когда ребёнком приходится пожертвовать, потому что некие его сверхспособности угрожают существующим устоям. В повести «Выстрел с монитора» мальчика Галиена изгоняют из города, когда выясняется, что он может силой мысли воздействовать на предметы. Главный советник магистрата Биркенштакк делает всё для того, чтобы мальчика не было в городе, его обрекают на полное одиночество, отрывают от семьи, друзей, от привычной жизни, от родины, которую он любит и с которой чувствует сильнейшую связь. Формальная причина изгнания в том, что Галиен по неосторожности спровоцировал крушение трамвайного вагона, при котором, правда, никто не пострадал. Истинную же причину раскрывает Биркенштакк лишь в финале повести. Оказывается, что вагон трамвая встал потому, что Галиен остановил его силой своей воли: «Вы виноваты, хотя и невольно. В том-то и дело. Вы не хотели, чтобы трамвай ехал дальше, и он встал... Мало

того. Несколько человек видели, как один из вагонов завис над обрывом, но вдруг опрокинулся назад, хотя по всем законам тяготения должен был покатиться вниз. Его тоже задержали вы, Галь». Мальчик – «койво», т.е., человек, обладающий необычными способностями. И это угроза уравновешенной жизни в городе, установившемуся благополучию, т.к. ребёнок не умеет распоряжаться своей силой. Биркенштакк чувствует себя в ответе за весь город и решает пожертвовать мальчиком, чтобы спасти благополучие остальных: «Жизнь в городе сбалансирована, отношения в нем ясны и просты, люди счастливы, насколько это можно в наше время. Такое благополучие достигнуто немалыми трудами» [10]. При этом он предстаёт вовсе не бездушным и жестоким чиновником. Детали его описания говорят о том, что ему жаль ребёнка, что он переживает из-за вынужденного антигуманного решения: Биркенштакк читает приговор непривычно тонким голосом, на его лице набухают жилки, что бывает с ним в моменты сильного волнения. Кроме того, он собирается хлопотать о месте в школьном пансионе в другом городе для мальчика. Таким образом, в душе героя существует конфликт между чувством и долгом – другими словами, между натурой и идеей, как формулировал это Ф.М. Достоевский. Герой его «Легенды о великом инквизиторе» исходит из стремления устроить благополучную жизнь общества, в котором все будут подобны счастливым младенцам, а заканчивает казнями еретиков, которые мешают упорядоченному и обеспеченному существованию его государства, а также ложью, поскольку знание истинного положения дел уничтожило бы благополучно устроенную и упорядоченную жизнь. Великому инквизитору приходится *уматчивать* о сути происходящего и поддерживать в людях уверенность в том, что они живут в христианском государстве, хотя на самом деле в основу «порядка» положены антихристианские принципы. В повести В. Крапивина советник магистрата тоже *уматчивает* о правде и предпочитает формально обвинить мальчика в преступлении, а не раскрывать его необычные способности, чтобы избежать последствий, которые непредсказуемы. Мальчик в ответ называет советника трусом, но это упрощает и «выпрямляет» ситуацию, не случайно Биркенштакк говорит, что иногда трусом быть намного сложнее, чем смелым. Смелость обеспечивает душевное спокойствие, а трусость, наоборот, влечёт за собой душевный дискомфорт, но, по мнению советника, на это необходимо пойти ради общего благоденствия – это вновь *актуализирует мотив моральных страданий* героя «инквизиторского» типа. И Ф.М. Достоевский, и В.П. Крапивин сосредотачивают внимание на утилитарной этике героев, которая у них же самих вызывает внутренний разлад в душе и сознании. Не удивительно, что персонажи имеют даже внешнее сходство: у Достоевского – «девяностолетний почти старик, высокий и прямой, с ископым лицом, со впалыми глазами» [6, с. 227], у Крапивина – «маленький старик с красными птичьими глазками, тяжелыми веками и носом, похожим на клюв» [10], во время последней встречи советник кажется Галиену совсем усопшим. Символическое значение можно придать тому, что великий инквизитор представлен высоким, а Биркенштакк низкорослым: масштаб фигур, безусловно, различен. Однако обращает на себя внимание упоминание о возрасте, говорящем о жизненном опыте, и о сухости фигуры, свидетельствующей об аскетизме.

В повести «Гуси-гуси, га-га-га» мальчик по имени Цезарь оказался в изоляции, практически в тюрьме из-за своей способности освобождать человека от тотального

контроля со стороны государства. Средством осуществления такого контроля является индивидуальный код, который присваивался каждому и от которого невозможно было избавиться, а ребёнок усиленно воли «стирал» этот код, поэтому и был воспринят как источник опасности.

Третий вариант: сверхспособности ребёнка, наоборот, могут быть использованы взрослым миром, причём интересами самого ребёнка при этом пренебрегают и обрекают его на страдания. Например, в повести «Застава на Якорном Поле» мальчик Матвей, по прозвищу Ёжик, попал в поле зрения некой общественной организации – Командорской общины, считающей своим долгом заботу о детях с особыми способностями, т.к. за ними будущее. Ёжик обладает способностью генерировать силовое поле, и профессор Кантор (представитель Командорской общины) решает заняться его судьбой. Но чтобы развить его талант и впоследствии использовать на благо общества и науки, мальчика нужно забрать в специальный интернат-лицей, который напоминает антиутопический мир, где дети находятся под постоянным наблюдением и тотальным контролем. А поскольку мать по доброй воле не расстанется с сыном, её изолируют, а ребёнка убеждают в её гибели. И так поступили со всеми детьми в лицее, чтобы их родители не помешали замыслам «благотетелей человечества».

Кантор объясняет мальчику Ёжик свою логику, и она вполне соответствует концепции великого инквизитора. И так, *исходный момент – утверждение, что мир живёт неразумно, люди губят себя. У Достоевского великий инквизитор говорит о разрушительных инстинктах, о взаиморазрушении, войнах. Кантор же имеет в виду не менее разрушительные силы: по его мнению, общество «глубнет от сытости, от провозглашенного "всеобщего благоденствия"!... И все отдается в жертву удовольствиям: науки, открытия, смысл жизни. Любовь стала развлечением на час... Нормальные семьи настолько редки, что скоро их будут заносить в Красную книгу. И во всем этом кроется пока незаметное начало гибели...» [12]. Далее – мысль о том, что *исправить положение можно только насильственным способом: «Установить в мире твердый порядок, в котором каждый человек знает свою роль, свой смысл бытия» [12].* Причём порядок этот должен *основываться на разуме: «А когда придут люди разумные, осознавшие свою великую и ответственную роль... Когда они поймут, что их задача — спасение всей цивилизации, тогда и родится новый мир».* Для великого инквизитора тоже основой его «нового мира» стал прежде всего *рационализм, разум без веры и христианской морали, разум, который Иван Карамзев назвал «эвклидовским».* Герой его поэмы решил, что он *знает, в чём будет заключаться счастье человечества, и построил социум в соответствии с этим своим убеждением. Точно так же собирается поступить в повести В. Крапивина Кантор, и об этом мы узнаём из его диалога с доктором Кланом, который с ним спорит: «Идея благородна — Всеобщая Гармония Мира... А почему мы признали на себя роль носителей абсолютной истины? Почему Гармония в нашем понимании должна быть Гармонией, приемлемой для всех?» [12].* Кантор же не сомневается, что именно его представление о гармонии мира должно быть свойственно любому разумному человеку.*

В «Легенде...» Достоевского главный герой считал, что привести «разумные» идеи (советы «умного духа») в исполнение должны люди с сильной волей – «наполеоны», как говорил его литературный предшественник Раскольников. А согласно концепции Кантора эту функцию будут выполнять люди со сверхспособно-

стями, они «станут владеть тайнами пространства и времени и, может быть, тайной бессмертия» (здесь вспомним, что великий инквизитор называл себя и своих сподвижников «знающими тайну»). Ради этого детей, подобных Матвею – Ёжик – разлучают с родителями и собирают в специальный лицей, чтобы научить в будущем рационально управлять миром. Причём отнять детей у родителей необходимо по этой логике не только чтобы исключить любое противодействие со стороны последних, но и по той причине, что сверхспособности ребёнка активизируются в экстремальной ситуации – таковой для него и создают искусственно. И делают это не злодеи с садистскими наклонностями, а люди, заботящиеся о благе человечества. Великий инквизитор сжигал на кострах еретиков, чтобы сохранить благополучие государства, – герой В. Крапивина, чтобы достичь гармонии в мире, разрушает жизнь ребёнка (даже не одного), и это, как говорит его оппонент Клан, ничем не лучше убийства.

В повести «*Лето кончится не скоро*» «галактические корректоры» используют мальчика Шурку, чтобы найти Весы добра и зла, которые решат судьбу мира. В повести-сказке «*Взрыв генерального штаба*» детей, имеющих феноменальную память, делают связными ради получения информации, правда, не ради благих целей, а ради выгоды высоких военных чинов, заинтересованных в войне.

Одна из концептуальных идей В.П. Крапивина заключается в том, что *противостоять утилитарной «инквизиторской» логике способен именно ребёнок.* Связано это с тем, что идея максимально рациональна, а натура ребёнка максимально иррациональна. В повести «Застава на Якорном Поле» доктор Клан говорит: «По крайней мере, есть одна закономерность: первыми поднимаются дети. Существа с незамутненной психикой и не растерявшие бескорыстных чувств. И, как правило, ничего с ними нельзя сделать». [12]. Это ещё одна мысль, очень близкая Достоевскому, в произведениях которого ребёнок является именно воплощением непосредственного чувства, исключая разве что «социального философа» Кольо Красоткина. Именно поэтому ребёнок – это «образ Христов на Земле» [14] (хотя существуют и «злые дети», но это обусловлено социальной средой). И у В.П. Крапивина тоже ребёнку чужд рационализм, для него все достижения науки и мировой прогресс не стоят, например, разлуки с матерью. Ему ощущение свободы важнее всех законов и всяческого благополучия. Поэтому в произведениях В.П. Крапивина ребёнок оказывается в роли того «гражданина», о котором «подпольный» герой Ф.М. Достоевского говорил, что ему захочется «столкнуться <...> всё это благополучие с одного разу, ногой, прахом, единственно с тою целью, чтоб все эти логарифмы отправились к чёрту и чтоб нам опять по своей глупой воле пожить» [7, с. 113].

Если рассматривать творчество В.П. Крапивина в целом, то вырисовывается следующая закономерность: *мотив этического утилитаризма, лежащего в основе идеи великого инквизитора, не реализуется в его реальных произведениях, но, как видим, достаточно часто воплощается в сказочно-фантастическом творчестве писателя.* Позволим себе высказать предположение о причине этого.

Начнём с того, что проблема «инквизиторского» этического утилитаризма тесно связана с вопросом о *взаимоотношениях личности и государства.* Этот вопрос в нашей литературе XX века рассматривался широко и всесторонне. Не ушёл от такой проблематики и В.П. Крапи-

вин, в его творчестве затронут конкретный аспект проблемы – *ребёнок и государство*. В произведениях этого писателя очень часто, особенно в 90-2000-е гг., можно увидеть ситуации, в которых тенденции государственной политики, закономерности жизни общества противостоят интересам детей и вообще принципам гуманизма («Бабушкин внук и его братья», «Бронзовый мальчик», «Синий город на Садовой», «Семь футов брамсельного ветра», «Дагги-Тип», «Тополята»). Не случайно для многих крапивинских произведений характерен такой сюжетный ход: у детского клуба, отряда, театра отбирают помещение в интересах чиновников, общественных организаций, бизнеса и т.п. («Мальчик со шпагой», «Бабушкин внук и его братья», «Бронзовый мальчик», «Дагги-Тип», «Семь футов брамсельного ветра»). Не случайно и частота изображения конфликта ребёнка и школы («Кольбельная для брата», «Мальчик со шпагой», «Сказки Севки Глушенко», «Наследники», «Бронзовый мальчик», «Дагги-Тип» и др.), ведь школа – это в определённом смысле мини-государство.

Итак, конфликт налицо, и он показан В.П. Крапивинным во многих вариантах. Однако изобразить прямое столкновение ребёнка и представителя государственной власти в произведении, построенном по принципу жизнеспособности, было бы явной натяжкой. А сказка и фантастика предоставляют автору такую возможность. Более того, они позволяют отразить конфликт ребёнка и государства наиболее отчётливо, фантастика даёт возможность создать некую гипотетическую ситуацию, которая наиболее ярко высвечивает философскую проблему. По видимому, в этом причина частоты воплощения «инквизиторского» мотива именно в сказках и фантастике В.П. Крапивина. По своей философско-этической сути эти произведения не удаляются от реализма, поскольку изображаются в них совершенно реальные закономерности жизни общества. Как сказал сам писатель, трудно «отвечать на вечные вопросы вроде такого: “Вы то, что описываете, придумываете из головы или берете из жизни?” Но я порой и сам не знаю, не могу отличить выдумку от реальности. В общем-то, всё (в том числе фантастика и сказки) – “из жизни”, если даже персонажи и обстоятельства – “из головы”» [9]. Однако по форме фантастика и сказки наиболее свободны, что даёт возможность «зримо» заострить проблему. И именно тогда произведения В. Крапивина по своей философско-этической проблематике сближаются с романами Ф.М. Достоевского, а в наибольшей степени – с «Легендой о великом инквизиторе», где тоже фантастическое допущение в сюжете помогает обнажить реальные закономерности мировой истории. Параллель эта, вероятно, типологическая, т.к. В.П. Крапивин, когда пишет о своих литературных предпочтениях, обычно называет А.С. Пушкина, К. Паустовского, А. Грина, Стругацких, А. Гайдара, но не Ф.М. Достоевского.

Отметив типологические сходства, необходимо также обратить внимание на концептуальные различия в подходе Ф.М. Достоевского и В.П. Крапивина к проблеме «слезинки ребёнка».

Во-первых, у Достоевского целевая аудитория явно не детская, у Крапивина же произведения, с одной стороны, рассчитаны именно на детей – отсюда некоторая романтизация образа ребёнка и сюжет, сочетающий в себе черты фантастики и сказки. С другой же стороны, эти повести и романы могут быть точно так же рассчитаны и на взрослого читателя: «книжки у меня давно же не только детские» [9] – отсюда философская насыщенность.

Во-вторых, у Ф.М. Достоевского ребёнок представлен как *объект* того или иного отношения (хотя за

рамками избранного нами материала можно было бы увидеть и другие случаи [1]), у В.П. Крапивина – как *субъект* действия, переживания, рефлексии. Отсюда следующий момент: в романах «Преступление и наказание» и «Братья Карамазовы» ребёнок рассмотрен в основном как *жертва* «взрослого» мира (Илюшечка Снегирёв, переживающий собственный безнравственный поступок, – это, скорее, исключение). У Крапивина же дети сами могут быть *носителями вины и моральных страданий* из-за неверного нравственного выбора (Юлька в «Детях синего фламिंगа», Галка в «Выстреле с монитора», Ёжики в «Заставе на Якорном Поле», Илюша в «Сказках о рыбаках и рыбаках»), поскольку в их образах есть активное начало.

В-третьих, у Достоевского *внимание сосредоточено на философии, психологии, душевном состоянии великого инквизитора*, он рассмотрен как фигура трагическая, как человек страдающий и добровольно идущий на это ради счастья человечества, как он его понимает. У Крапивина же *акцент сделан на страданиях жертв* различного рода «инквизиторов», причём писатель, подобно Ивану Карамазову, сосредоточен прежде всего на страданиях тех, кто их менее всего заслужил, – детей. Что же касается образов «инквизиторов», то в произведениях В. Крапивина они чаще всего лишены трагического ореола. Их цели, в принципе, могут быть и благородными, по крайней мере субъективно (как в «Заставе на Якорном Поле», «Выстреле с монитора», «Лето кончится не скоро»). Но, в отличие от великого инквизитора (о котором – не будем забывать – Иван Карамазов написал *поэму* и «имя» которого многие философы и исследователи пишут с большой буквы [3; 15; 18]), они в большинстве своём не страдают от собственных антигуманных действий.

Таким образом, несмотря на отсутствие Ф.М. Достоевского в ряду наиболее близких В.П. Крапивину писателей, в творчестве последнего можно отметить достаточно отчётливые параллели в решении философско-этических вопросов с такими произведениями, как «Преступление и наказание» и «Братья Карамазовы».

Список литературы:

1. Бабук А. «Миф детства» как олицетворение «золотого века» в творчестве Достоевского // Вопросы литературы. 2014. Январь-февраль. – С. 225-247.
2. Бентам И. Принципы законодательства [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: <http://www.be.bsu.ru/unibel.by/pages/obschixxi/source/1004.html> (дата обращения – 13.05.2014).
3. Бердяев Н.А. Великий Инквизитор // О великом инквизиторе. Достоевский и последующие. М., 1991. – С. 219-242.
4. Великанова Е.А. Цикл «В глубине Великого Кристалла» В.П. Крапивина: проблематика и поэтика. Автореферат... канд. филол. наук. Петрозаводск, 2010. [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: <http://cheloveknauka.com/tsikl-v-glubine-velikogo-kristalla-v-p-kravivina-problematika-i-poetika> (дата обращения - 7.05.2014).
5. Виноградова О. Авторская модель мира и человека в нем в философско-аллегорической прозе Владислава Крапивина [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: <http://www.rusf.ru/vk/> (дата обращения – 19.02.2014).
6. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Достоевский Ф.М. Собр. соч. в 30 тт. Т. 14. Л.: Наука, 1976. – 512 с.

7. Достоевский Ф.М. Записки из подполья // Достоевский Ф.М. Собр. соч.: в 30 тт. Т. 5. Л.: Наука, 1973. – С. 99–180.
8. Достоевский Ф.М. Преступление и наказание // Достоевский Ф.М. Собр. соч.: в 30 тт. Т. 6. Л.: Наука, 1973. – 423 с.
9. Крапивин В.П. Белые башни родины [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: http://www.e-reading.ws/bookreader.php/30087/Krapivin_-_Belye_bashni_rodiny.html (дата обращения – 12.08.2014).
10. Крапивин В.П. Выстрел с монитора. [Электронный ресурс]. Режим доступа. – URL: <http://www.rusf.ru/vk/> (дата обращения 18.12.2013).
11. Крапивин В.П. Дети синего фламинго. [Электронный ресурс]. Режим доступа. – URL: <http://www.rusf.ru/vk/> (дата обращения – 24.11.2013).
12. Крапивин В.П. Застава на Якорном Поле [Электронный ресурс]. Режим доступа. – URL: <http://www.rusf.ru/vk/> (дата обращения – 1.08.2014).
13. Крапивин В.П. Лето кончится не скоро [Электронный ресурс]. Режим доступа. – URL: <http://www.rusf.ru/vk/> (дата обращения – 30.07.2014).
14. Микнюкевич В.А. Поэтика детских образов Ф.М. Достоевского в контексте «народного христианства» // Вестник Челябинского университета. Серия 2. Филология. Челябинск, 1994. № 1. – С. 21–29.
15. Розанов В. Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского. Опыт критического комментария. // Розанов В. Мысли о литературе. М.: Современник, 1989. – С. 41–158.
16. Сухих О.С. Великие инквизиторы в русской литературе XX века. Нижний Новгород: Медиаграфик, 2012. – 208 с.
17. Сухих О.С. Идея великого инквизитора и личность в «Легенде о великом инквизиторе» Ф.И. Достоевского // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. № 3 (1). – С. 371–375.
18. Франк С.Л. Легенда о Великом Инквизиторе // О великом инквизиторе. Достоевский и последующие. М., 1991. – С. 243–251.
19. Франк С.Л. Фридрих Ницше и этика любви к дальнему // Франк С.Л. Сочинения. М.: Правда, 1990. – С. 6 – 65.